

Информационное общество и СМИ**ЖУРНАЛИСТИКА РИСКОВ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ
МЕДИАСРЕДЫ****Вартанова Елена Леонидовна**

*Доктор филологических наук, профессор, академик РАО
МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет журналистики, декан
Научно-аналитический журнал «Информационное общество», член Редакционного совета
Москва, Российская Федерация
evarta@mail.ru*

Гладкова Анна Александровна

*Кандидат филологических наук
МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет журналистики, ведущий научный сотрудник
Москва, Российская Федерация
gladkova_a@list.ru*

Дунас Денис Владимирович

*Кандидат филологических наук
МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет журналистики, ведущий научный сотрудник
Москва, Российская Федерация
denisdunas@gmail.com*

Аннотация

Статья носит теоретико-концептуальный характер. В ней актуализируется проблема возрастания рисков и угроз в современном обществе, для которого в целом характерны неопределённость, непредсказуемость и потенциальная конфликтность. Развитие цифровых технологий углубляет и расширяет масштабы информационного общества, однако вместе с этим порождает новые вызовы для различных сфер общественной жизни и институтов, в том числе трансформируя медиакоммуникационные процессы на различных уровнях. В таком обществе воздействие журналистики рисков и кризисной коммуникации возрастают. Они становятся едва ли не основными форматами социальной коммуникации. При этом не менее значимые позиции занимают альтернативные – конструктивные коммуникации, направленные на предупреждение рисков и разрешение кризисов, конфронтаций и конфликтов, снижающие рискогенность и конфликтность, обеспечивающие социальный баланс и устойчивое развитие общественного организма.

Ключевые слова

журналистика рисков; кризисная коммуникация; неопределенность; конструктивные коммуникации

Введение

Описывая XXI век, исследователи все чаще используют термины, предложенные в прошлом столетии, такие как «непостоянство», «быстрота изменений», «неопределенность», которые подходят для описания текущей динамики развития общества. События начала 2020 года, включая пандемию COVID-19, показали, что в мире, охваченном деглобализацией и геополитическими конфликтами, «неопределенность» и «непредсказуемость» стали еще более актуальными и отражают глубинную суть происходящих процессов. Таким образом, исходя из того, что социальное состояние общества влияет на все его аспекты, встает вопрос о воздействии нестабильности и изменчивости на один из ключевых социальных институтов – медиа, который тесно связан с обществом.

© Вартанова Е.Л., Гладкова А.А., Дунас Д.В., 2023

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2023_06_116

Идея «текучести» (liquidity) или неопределенности изначально осмыслялась З. Бауманом в контексте «текучей современности» (liquid modernity) [1, 2]. Сегодня этот подход все чаще оказывается в фокусе внимания исследователей медиа и журналистики, в том числе журналистики рисков. Трансформация норм, ценностей, профессиональных практик и стандартов, медиасистем, аудиторий, практик потребления и распространения информации, идентичности, роли журналистов и аудитории, журналистских культур, форм занятости и форм труда, бизнес-моделей СМИ и многих других аспектов становятся своеобразными маркерами «текучей современности» [3, 4] с ее неопределенностью, гибкостью, изменчивостью, нестабильностью, неустойчивостью, поливариантностью и непредсказуемостью течения социальных процессов [5].

Современное общество отличает усиление роли неконтролируемых человеком сил и тенденций, нарастание неуверенности и неопределенности. Подобная реальность не может быть объяснена старыми, линейными моделями развития общества и человека, ее сложность и разнообразие требуют других теоретико-методологических принципов анализа, других подходов и других теоретических концепций. Исследователи отмечают, что текучесть процессов, происходящих в обществе, порождает разнонаправленные движения во всех социальных институтах и структурах, в том числе в медиасистеме и коммуникации [6, 7].

Помимо процесса деглобализации как макроконтраста, изменения экономических моделей и геополитических сдвигов, «текучесть» и «неопределенность» современной медиасистемы определяется технологическим прорывом в области информационно-коммуникационных технологий, накладывающегося, одновременно с этим, на традиционные цифровые и новые эпистемиологические неравенства, с одной стороны [8], и постмодернистским подходом к укрепляющим свое влияние медиа – с другой. Среди последствий «цифрового сдвига» можно отметить становление новых медиа и социальных сетей как отдельных сегментов, глубинную интеграцию медиапотребления в повседневную практику людей и усиление медиасоциализации [7].

Нам представляется, что в эпоху неопределенности актуальными становятся вопросы изучения опасностей, вызовов, рисков и конфликтов, с которыми сталкиваются журналисты, а также специфики освещения кризисных ситуаций в СМИ в контексте журналистики рисков и кризисной коммуникации, о которых пойдет речь далее. Мы полагаем в этой связи, что исследования в области журналистики рисков и кризисной коммуникации могут быть сосредоточены на деятельности журналистов во времена глобальных кризисов, опосредуемых в коммуникационных процессах, а также трансформации журналистских практик и стратегий работы во времена неопределенности.

1 Риски цифрового общества

В 2023 году мир продолжает находиться в состоянии затяжного геополитического напряжения, а информационные и медиакоммуникационные процессы указывают на начало формирования нового мирового устройства, неизбежно усиливая противоречия в вопросе взаимодействия с глобальной медиакоммуникационной индустрией и турбулентность медиасистемы на национальном уровне [7].

Новые цифровые коммуникационные технологии представляют угрозу национальной и международной безопасности стран мира, создают множество рисков для устойчивого и сбалансированного развития мира, а также приводят к росту «многодоменных» конфликтов, которые размывают определение обычной войны. Под «многодоменным» противостоянием понимается ведение войны или проявление конфронтации на различных территориях – на суше, на море, в воздухе, в космосе («космические гонки»), а также в медиапространстве [9]. Таким образом, информационная война становится не параллельным или автономным субъектом, а составной частью нового пространства геополитического «поля битвы» с его полисубъектностью. Как говорил М. Маклюэн, «Третья мировая война – это партизанская информационная война, в которой нет разделения на военное и гражданское участие» [10].

Некоторые виды «цифрового оружия», применяемые в многодоменных противостояниях, демонстрируют большую экономическую эффективность, чем традиционные боеприпасы. Квантовые вычисления, кибер- и информационные войны разворачиваются для устранения уязвимостей во все более сложных технологиях противостояния, которые сегодня варьируются от кампаний по дезинформации до взлома оборудования в системах ядерной защиты [11].

Цифровые инструменты – все более сложные приложения искусственного интеллекта, периферийные вычисления и устройства Интернета вещей (IoT) – лежат в основе функционирования городов и критической инфраструктуры и играют ключевую роль в разработке устойчивых решений для предотвращения кризисов.

Вредоносная активность в киберпространстве растет, при этом обретая все более агрессивные и изощренные формы. Распространение систем сбора данных при помощи алгоритмов и технологий искусственного интеллекта несет риски возникновения новых форм злонамеренного использования данных пользователями киберпреступниками. Пользователи все чаще подвергаются неправомерному использованию персональных данных, особенно в связи с дефицитом цифрового капитала [12].

Однако большие данные, ослабляя право человека на неприкосновенность частной жизни, могут быть мотивированы соображениями общественной безопасности, применяться в целях предотвращения преступности. Кроме того, конфиденциальность личных данных нивелируется в пользу национальной безопасности. Технологии наблюдения, например, биометрическая идентификация личности по чертам лица, становятся все более изощренными благодаря новым цифровым инструментам и методам сбора и анализа данных. Признавая потенциальные риски для конфиденциальности и свободы передвижения, власти многих стран самостоятельно регулируют системы распознавания лиц. Обеспокоенность вызывает использование биометрических технологий для анализа эмоций, что порождает новые риски.

Другие формы мониторинга уже становятся обычным явлением. Автоматизированные инструменты на основе искусственного интеллекта, такие как чат-боты, собирают большое количество персональных данных. Массовый переход на работу на дому во время пандемии привел к отслеживанию работников с помощью камер, мониторинга нажатий клавиш, программного обеспечения для повышения производительности и аудиозаписей – практик, которые законодательно разрешены, но этический вопрос использования которых все еще остается открытым.

В ближайшее десятилетие повседневный опыт людей практически полностью будет зафиксированным на цифровых носителях, интегрированным в интеллектуальную инфраструктуру «умных» городов – повсеместную и постоянную форму сетевых наблюдений, которые уже используются для создания цифровых профилей населения. Эта модель будет только усиливаться метавселенными, которые смогут собирать и отслеживать еще более конфиденциальные данные, включая выражение лица, походку, показатели жизнедеятельности, ритмы мозговых волн и интонации голоса. Пользователи цифровых услуг обычно соглашались на сбор данных для соответствующего полезного использования услуги или продукта, надеясь на политику защиты данных.

В последние годы многие страны мира перешли на политику локализации данных, ужесточили регулирование цифровых платформ и запретили некоторым иностранным компаниям работать на телекоммуникационных рынках, чтобы ограничить сбор и владение конфиденциальными данными государствам, не являющимися союзниками [13]. Не меньшее внимание уделяется возможности злоупотреблений этими данными против национальной безопасности. Медленная и легальная эрозия цифрового суверенитета отдельных лиц может иметь непредвиденные и далеко идущие последствия для социального контроля и компрометации свободы слова.

Дезинформация и фейки являются потенциальным ускорителем разрушения социальной сплоченности. Обладая потенциалом дестабилизации доверия к информации, они стали важным инструментом игры на геополитическом пространстве, пропагандируя экстремистские убеждения и влияя на умы через эхо-камеры социальных сетей. Нормативно-правовые ограничения и медиаобразовательные усилия, вероятно, не будут соответствовать необходимым темпам развития деструктивных проявлений цифровой медиакоммуникационной среды, и их влияние усиливается по мере более широкого использования технологий автоматизации и машинного обучения, от ботов, имитирующих написанный человеком текст, до дипфейков лидеров общественного мнения.

Усиливающаяся поляризация подрывает социальное доверие, способствует идеологическим разногласиям и ужесточает борьбу за власть. Сегодня исследователи говорят о повсеместном росте присутствия анократий (тех форм правления, которые являются частично демократией, частично автократией) и радикализации, а также поляризации общественных настроений во многих

демократичных странах мира [14]. Это может привести к увеличению числа угроз, кризисов, конфликтов и других рисков, таких как политическое насилие, преступления на почве ненависти, новые формы киберпреступлений и прочие глобальные риски.

Между тем, классик теории массовой коммуникации Д. МакКуэйл [15] понимал ограничительные проявления в журналистике как форму подотчетности журналистики обществу. Формы социального контроля в медиасфере слишком разнообразны, и в различных странах проявляются по-своему. Конкретная модель зависит от политической культуры времени, исторических корней и традиций в обществе. Например, система пресс-клубов (или *kisha*) в Японии является примером институционализированного контроля над публикацией в рамках юридической «свободы прессы»; безопасность государства и защита национальных интересов оправдывает цензуру в Великобритании (например, уведомление «D» в Великобритании) и США (Patriot Act).

2 Коммуникация рисков, журналистика рисков, кризисная коммуникация

Термин «коммуникация рисков» впервые появился в середине 1980-х годов как обозначение для междисциплинарной области на пересечении экономики, социологии, психологии и коммуникации [16]. В рамках коммуникации рисков предметом изучения становятся следующие основные аспекты: кто и каким образом сообщает о рисках; как СМИ освещают риски; что влияет на то, как широкая общественность получает, понимает и использует информацию, связанную с рисками [17].

В октябре 2023 г. нами был проведен анализ научных публикаций за 2018-2023 гг., опубликованных российскими исследователями и доступных в электронной научной библиотеке Elibrary. Поиск производился по ключевым словам «коммуникация рисков», «журналистика рисков», «кризисная коммуникация» в предметной тематической области «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации».

На междисциплинарный характер коммуникации рисков как теоретического концепта указывает тот факт, что большая часть работ, предметом которых становится коммуникация рисков, носят широкий теоретический характер. Проведенный нами анализ научных трудов выявил 325 публикаций, посвященных коммуникации рисков. При этом большая часть из них не предлагают определение коммуникации рисков как таковой, а фокусируются на конкретных / практических аспектах коммуникации и потенциальных рискогенных факторах, способных влиять на коммуникацию. Речь идет, например, об особенностях коммуникации детей и подростков в сети Интернет и вопросах цифровой безопасности [18], специфике политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных рисков [19] или социальных эффектах и рисках взаимодействия с цифровыми платформами, в числе которых называются «эскалация и радикализация конфликта, поляризация позиций его участников, подавление альтернативных взглядов на социальные противоречия и возникновение новых конфликтов» [20].

Термин «журналистика рисков» является преимущественно зарубежным концептом, в настоящий момент мало интегрированным в русскоязычное поле исследований. С одной стороны, термин связан с опасностями и вызовами, с которыми сталкиваются журналисты в современной цифровой, социокультурной, политико-экономической среде, а с другой – со спецификой освещения кризисных ситуаций в СМИ. Таким образом, исследования журналистики рисков сосредоточены на деятельности журналистов во времена глобальных, национальных и локальных кризисов, опосредуемых при помощи каналов массмедиа [21].

Одним из ключевых научных центров изучения журналистики рисков сегодня является The Global Risk Journalism Hub, представляющий собой крупномасштабную сеть исследователей, преподавателей и представителей законодательной власти из 52 стран мира, включая Россию. Целью работы данной группы является изучение как «традиционных» рисков журналистской деятельности (глобальное изменение климата, пандемия, конфликты в гуманитарной сфере и другие), так и сравнительно новых, но усиливающих свое влияние рисков и вызовы в современной информационной экосистеме. Среди них можно выделить как вызовы негативного (например, дезинформация и фейковые новости), так и в целом позитивного характера (например, искусственный интеллект и большие данные), требующие, однако, внимательного осмысления со стороны журналистского сообщества. Теоретические и практические разработки The Global Risk Journalism Hub, с одной стороны показывают динамику подходов к пониманию журналистики рисков в условиях стремительно меняющегося общества, и с другой стороны акцентируют

национальные и культурные особенности журналистской деятельности в условиях рисков глобального, национального и локального характера.

Проведенный нами анализ научных публикаций выявил только 48 статей за указанный период, имеющих отношение к журналистике рисков. При этом мы вновь столкнулись с тем, что российские авторы не предлагают конкретное определение журналистики рисков как теоретического и/или практического поля исследований, а делают акцент на конкретных практических кейсах: рисках, которые представляют виртуальная иммерсивная среда для журналистов и аудитории [22], или же, например, рисков со стороны фейковых новостей для уровня доверия аудитории к СМИ [23].

Если взглянуть на глобальный контекст, за пределами российского поля исследований, то ключевыми направлениями трудов в области журналистики рисков сегодня являются исследования влияния цифровых технологий на работу журналистов и аудитории в динамичной глобальной коммуникационной экосистеме [24]; специфики работы журналистов с большими массивами данных [25]; роли журналистского сообщества в распространении информации, а также дезинформации [26]; риски и вызовы для журналистов, как непосредственные, так и опосредованные цифровой экосистемой в связи с появлением новых субъектов, типов данных и технологий [27, 28]; возможностей защиты журналистов и пользователей в разных регионах во времена кризисов [29]. Важным аспектом для изучения являются также конкретные способы конструирования кризисной ситуации в журналистском материале.

Термин «кризисная коммуникация» (crisis communication) более широко представлен в российском научном дискурсе и чаще всего связан с пониманием коммуникации как управленческой деятельности. Под «кризисной коммуникацией» понимается «деятельность, направленная на установление результативных взаимодействий между организацией и ее общественностью до, во время и после негативных воздействий с целью поддержания устойчивой репутации организации и минимизации репутационных рисков» [30]. Кризисная коммуникация как особый вид дискурса характеризуется оперированием не деталями, а целыми смысловыми блоками. Поэтому кризисные нарративы и дискурсы могут рассматриваться в качестве гештальтов, т.е. целостных образов, которые формируются в сознании человека при восприятии объектов или при представлении о них.

За 2018-2023 гг. нам удалось обнаружить 272 статьи на тему кризисной коммуникации, написанные российскими авторами, при этом в отличие от журналистики рисков и коммуникации рисков термин «кризисная коммуникация» чаще встречается в названиях статей, а не только в самом тексте работ и/или списке ключевых слов. Векторы изучения кризисной коммуникации охватывают специфику трансформации данного типа коммуникации в цифровой среде [31] с учетом новых вызовов, запросов и требований со стороны цифровой экосистемы; особенности внутрикорпоративной коммуникации в условиях кризиса [32]; появление нового типа кризисной коммуникационной стратегии компании в цифровой среде – стратегии демедиатизации инцидента [33] и другие аспекты.

Говоря о кризисной коммуникации, нельзя не остановиться на понимании кризиса как решающего этапа в развитии; некоего поворотного момента, неизбежно влекущего за собой решительные перемены [34]. В ситуации кризиса перемены имеют резкий, неожиданный, внезапный характер и сопровождаются состоянием нестабильности, незащищенности. Качественно данные изменения проявляются глубоко и интенсивно, угрожая существованию или непрерывности устоявшихся процессов, а также отличаясь тяжестью их негативных последствий [35, 36].

Кризис имеет социальную форму, и большая часть его формирования происходит через коммуникацию. В контексте коммуникационной и медиасреды возможно присутствие множества кризисов и конфликтных факторов, порождаемых субъектами разной природы и детерминированности в рамках медиакommunikationного процесса. В данном случае особенно важна роль как традиционных СМИ, так и «новых профессионалов» (блогеров, инфлюэнсеров, лидеров мнений), а также неинституционализованных новых медиа. Через информирование и процесс общественной коммуникации медиа могут как предупредить и предотвратить кризисные ситуации, так и спровоцировать и распространить их. На важную роль СМИ указывает также феномен «мнимых кризисов» или «псевдокризисов», возникающих в результате освещения некризисных событий (не несущих в себе непосредственную угрозу нормальному образу жизни) в новостях кризисного типа [36].

По мнению исследователей, коммуникация является мощным инструментом повышения качества и эффективности общественных действий во времена кризиса при условии активного сотрудничества СМИ как с политическими партиями, так и с общественными и НКО организациями, а также с самой общественностью посредством опросов общественного мнения. Среди ключевых задач кризисной коммуникации исследователи отмечают формирование в обществе чувства солидарности, сопричастности, единения в условиях кризисной и стрессовой ситуации [37, 38].

Если говорить об эффективных стратегиях выстраивания кризисной коммуникации, то в их числе чаще всего называются следующие: обеспечение открытости и прозрачности информации; укрепление институционального и межличностного доверия как до наступления кризиса, так и в процессе реагирования на кризисные события; работа с эмоциями и чувствами аудитории (установление эмоционального взаимопонимания и предоставление пространства для безопасного выражения эмоций); выстраивание таргетированной коммуникации (учет запросов конкретных аудиторных групп и верный выбор каналов и форматов донесения сообщений) [38].

В целом, на наш взгляд, сегодня актуальным вопросом становится, во-первых, выработка более четкого терминологического аппарата для систематизации и гармонизации исследований в области коммуникации и журналистики рисков. Это позволит предупредить ситуацию, при которой определения данных концептов носят очень широкий и зачастую субъективный характер. На это указывают и современные исследователи: «Сегодня коммуникация риска во многом представляет собой стихийный и хаотический обмен информацией, который требует выработки определенных стандартов и норм, способных его упорядочить и тем самым увеличить его эффективность» [39]. Во-вторых, мы считаем важным усиление внимания к практическим кейсам изучения журналистики рисков и коммуникации рисков с учетом специфики национальных, культурных и информационных контекстов и конфликтов [40], которые, как нам представляется, могут оказывать значительное влияние на журналистскую деятельность в эпоху кризиса и неопределенности.

Заключение

Процесс медиатизации политики и возникновение экстремальных форм политической активности приводят к рискам умышленного разжигания политических конфликтов, активизации протестных настроений и организации проявлений недовольства общества [41]. Содержание медиа в таких случаях может выполнять двойственную функцию: оно может как отображать конфликты и принимать участие в них, усугубляя их процесс, или же способствовать их разрешению, защищая интересы пострадавших сторон и способствуя поиску компромисса. Так, многодоменная война демонстрирует использование медиа не как средства социального анализа и улучшения общества, а как инструмента воздействия на общественное мнение и поведение аудитории.

В условиях кризисов, конфликтов и конфронтаций разной природы и уровня все большее значение, вероятно, приобретет коммуникационная работа конструктивного характера, направленная на уменьшение рисков, а не на их усиление [42]. При информировании аудитории о конфликтных ситуациях будут востребованы такие подходы, как миротворческая и конструктивная журналистика, журналистика решений, позитивная и превентивная журналистика. Различаясь между собой рядом специфичных особенностей, они все направлены на урегулирование конфликтного процесса, учитывая интересы всех вовлеченных в него сторон и могут быть обозначены как «конструктивные коммуникации» [43, 44, 45].

Конструктивный подход подразумевает смещение фокуса с выявления проблем на нахождение их решений. Такой же принцип лежит в основе миротворческой журналистики, которая стремится к установлению мира, объективному информированию, учету потребностей и интересов мирного населения, а также поиску компромиссов для разрешения конфликта [46]. Журналистика мира (или миротворческая) представляет собой подход к медиатизации конфликтов, который основывается на строгом следовании целому ряду принципов: избеганию ярлыков негативного и положительного характера, непредвзятости по отношению к политическим силам, представлению различных точек зрения по поводу конфликта, отказу от использования эмоционально окрашенной лексики, сосредоточению внимания на налаживании доверительных отношений между сторонами, а также разработке стратегий для разрешения конфликта [47, 48].

Медиаисследователи отмечают в целом тенденцию к позитивной журналистике, которая фокусируется на освещении положительных новостей и использует в своих публикациях позитивный язык [49].

Целью такого подхода является оказание благоприятного влияния на аудиторию, включая положительные эмоции [50]. Превентивная журналистика, в свою очередь, продолжает конструктивный подход при освещении конфликтов и включает в себя принципы прогнозирования, ментального планирования, оценки потенциального будущего и предложения креативных решений для положительного разрешения ситуаций [51]. Принципы превентивной журналистики схожи с миротворческой журналистикой, но охватывают более широкий спектр проблем, включая экономические, социальные и экологические вопросы [52].

Конструктивные коммуникации – вероятно, наиболее верный путь к снижению глобальных рисков современного общества и предупреждению конфликтов.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (проект № 22-18-00225).

Литература

1. Bauman, Z. *Liquid Life*. Cambridge: Polity Press, 2005.
2. Bauman, Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2007.
3. Deuze, M. Journalism in Liquid Modern Times // *Journalism Studies*. 2007. № 8:4. P. 671–679.
4. Deuze, M. The Changing Context of News Work: Liquid Journalism and Monitorial Citizenship. *International Journal of Communication*. 2008. № 2:5. P. 848–865.
5. Вартанова Е.Л. Медиапрекариат в условиях неопределенности // *Меди@льманах*. 2021. Т. 5, № 106. С. 8–17.
6. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М., 2005.
7. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В. Российская медиасистема в начале 2020 гг.: вызовы эпохи неопределенности // *Меди@льманах*. 2022. Т. 6, № 113. С. 8–19.
8. Vartanova, E., Gladkova, A. From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. № 4, P. 5–22.
9. Scott, K. Reith, Russell, and the Robots: AI, Warfare, and Shaping the Debate // *Proceedings of the 21st European Conference on Cyber Warfare and Security*. 2022. P. 443–449.
10. McLuhan, M. *Culture Is Our Business*. New York, NY: Ballantine Books, 1970. P.66.
11. The Global Risk Report, 2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/>
12. Saglam, R.B., Nurse, J., Hodges, D. Personal information: Perceptions, types and evolution // *Journal of Information Security and Applications*. 2022. № 66.
13. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В. Россия. Средства массовой информации. Медиаполитика // *Большая российская энциклопедия*, 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiia-sredstva-massovoi-informatsii-mediapolitika-fe2351>
14. Walter, B. Why should we Worry that the US could Become an 'Anocracy' Again? Because of the Threat of Civil War” // *The Washington Post*. 2022, 24 January. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/01/24/why-should-we-worry-that-us-could-become-an-anocracy-again-because-threatcivil-war/>
15. МакКуэйл Д. *Журналистика и общество*. М.: МедиаМир; Фак. журн. МГУ, 2013.
16. Jungermann, H., Kasperson, R. E., Wiedemann, P.M. (eds.) *Risk Communication*. Jülich: Nuclear Research Center, 1988.
17. Ruhrmann, G., Guenther, L. *Risk Communication*. In: Patricia Moy (ed.) *Oxford Bibliographies in Communication*. Oxford University Press, 2014.
18. Мышко Ф.Г., Каменева Т.Н. Риски коммуникации подростков в Интернет-пространстве // *Мир науки. Социология, Филология, Культурология*. 2022. № 4. С. 1–10.
19. Морозова С.С., Будко Д.А., Бабюк И.А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2023. № 2. С. 230–243.

20. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Цифровые платформы как субъекты конфликтогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 753–771.
21. Volkmer, I., Sharif, K. Risk Journalism between Transnational Politics and Climate Change. Palgrave Macmillan, 2018.
22. Красавина А.В., Шашева А.Н. Эффекты и риски иммерсивной журналистики: технологический и этический аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 95-102.
23. Ильченко С.Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. № 5. С. 70-76.
24. Sumskaaya, A., Solomeina, V. Russian Media Generation of the “Digital Borderline”. Theoretical Reflection and Empirical Verification // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. № 4. P. 68-93.
25. Volkmer, I. Risk Journalism and Globalized Crisis Ecologies. Journalists as ‘Cosmopolitan’ Actors. In: The Routledge Companion to News and Journalism. Routledge, 2022.
26. Simons, G., Manoilo, A. The What, How and Why of Fake News: An Overview // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2021. № 2.
27. Cheruiyot, D. Comparing Risks to Journalism: Media Criticism in the Digital Hate // Digital Journalism. 2022. URL: <https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2030243>
28. Baychik, A. Reality and Virtuality of the Mass Media Space // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. № 1. P. 20-45.
29. Nechushtai, E. Resisting the Individualization of Risk: Strategies of Engagement and Caution in Journalists’ Responses to Online Mobs in the United States and Germany // Digital Journalism. 2023. URL: <https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2153710>
30. Голуб О.Ю. Кризисные коммуникации: методология и методы управления // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 2. С. 142-145.
31. Малашихин М.Ю. Трансформация кризисных коммуникаций в Интернет-среде // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2021. № 21. С. 42-48.
32. Панкова Г.К., Шишкин Д.П. Кризисные коммуникации с внутренней общественностью // Век информации. 2020. Т. 1, № 10. С. 11-20.
33. Гавра Д.П. Демедиатизация инцидента как тип стратегии кризисной коммуникации // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения. Сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума. В 2-х томах. Т. 2. СПб: Медиапапир, 2023.
34. Antoon D. R., & Zuraidah M. D. Discourse in Crisis, Crisis in Discourse. In Discourse and Crisis: Critical Perspectives / ed. by A. De Rycker, M. D. Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
35. Соколова И.А. Дискурс «Кризис»: способы структурно-тематической и языковой организации в текстах СМИ // МИРС. 2012. № 4. С. 33-43.
36. Кудрявцева З.Г. Категория транстекстуальности в меганарративе в кризисной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. Т. 1, № 459. С. 58-66.
37. Ghenaiet, I. The Role of Media During Crisis Management. Crisis Management and Risk Management in the Digital Age. Center for Open Science, 2016. URL: <https://osf.io/tkxjh>
38. Катъшева Л.В. Финские и южнокорейские практики как основа для поиска универсальных подходов к кризисным коммуникациям в период пандемии COVID-19 // Коммуникология. 2021. № 4. С. 66-82.
39. Сергеева Е.В. Особенности коммуникации риска в современном социуме // Социальные коммуникации в современном мире. Сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса. Минск: Белорусский государственный университет, 2018.
40. Vartanova, E., Gladkova, A., Dunas, D. Media Representations of Social Conflicts: Identifying Theoretical Foundations for Typology // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. № 2. P. 26-45.
41. Лабуш Н.С., Пую А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб: Изд-во СПбГУ, 2019.
42. Якова Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 4. С. 680–697.

43. Bro, P. Constructive Journalism: Proponents, Precedents, and Principle // Journalism. 2019. № 20:4. P. 504-519.
44. McIntyre, K. Constructive Journalism: The Effects of Positive Emotions and Solution Information in News Stories. PhD Thesis, University of North Carolina, Chapel Hill, NC, 2015.
45. Haagerup, U. Constructive News: How to Save the Media and Democracy with Journalism of Tomorrow. New York: InnoVatio Publishing, 2014.
46. Shinar, D., Kempf, W. Peace Journalism: The State of the Art. Berlin: Verlag Irena Regener, 2007. P. 136-157.
47. Galtung, J. Peace Journalism as an Ethical Challenge // Global Media Journal: Mediterranean Edition. 2006. № 1:2. P. 58 – 83.
48. Lynch, J., McGoldrick, A. Peace Journalism: A Global Dialog for Democracy and Democratic Media. In: Hackett, R., Zhao Y. (eds.) Democratizing Global Media: One World, Many Struggles. Lanham MD: Rowman and Littlefield, 2015. P. 269-288.
49. Gyldensted, C. From Mirrors to Movers: Five Elements of Positive Psychology in Constructive Journalism. Charleston, SC: Group Publishing, 2015.
50. Seligman, M. Positive Psychology, Positive Prevention, and Positive Therapy. In: C. R. Snyder, S. J. Lopez (eds.) Handbook of Positive Psychology. Oxford University Press, 2002. P. 3-12.
51. McIntyre, K. Solutions Journalism: The Effects of Including Solution Information in News Stories about Social Problems // Journalism Practice. 2019. P.130.
52. Curry, A. L., Hammonds, K.H. The Power of Solutions Journalism. The University of Texas at Austin, Center for Media Engagement, 2014. URL: [https:// mediaengagement.org/wp-content/uploads/2014/06/ENP_SJN-report.pdf](https://mediaengagement.org/wp-content/uploads/2014/06/ENP_SJN-report.pdf) (дата обращения 09.11.2023).

RISK JOURNALISM IN THE CONFLICT-GENERATING MEDIA ENVIRONMENT

Vartanova, Elena Leonidovna

*Doctor of philological sciences, professor, academician of the Russian Academy of Education
Lomonosov Moscow State University, Faculty of journalism, dean
Research and analytical journal "Information Society", Editorial board member
Moscow, Russian Federation
evarta@mail.ru*

Gladkova, Anna Alexandrovna

*Candidate of philological sciences
Lomonosov Moscow State University, Faculty of journalism, leading researcher
Moscow, Russian Federation
gladkova_a@list.ru*

Dunas, Denis Vladimirovich

*Candidate of philological sciences
Lomonosov Moscow State University, Faculty of journalism, leading researcher
Moscow, Russian Federation
denisdunas@gmail.com*

Abstract

Theoretical and conceptual in nature, the article readdresses the problem of the rising risks and threats in modern society that is generally characterized by uncertainty, unpredictability and potential conflict. Advances in digital technologies deepen and expand the scope of information society but also bring about new challenges in various spheres of public life and different institutions. In particular, they transform media communication at various levels. In such a society, there is an increased impact of risk journalism and crisis communication that become major forms of social interaction. Some alternative modes of mass communication are of no less importance, including constructive communication aimed at preventing risks and resolving crisis, confrontation and conflict, lowering conflict and risk potential, ensuring social balance and sustainable social development.

Keywords

risk journalism; crisis communication; uncertainty; constructive communication

References

1. Bauman, Z. *Liquid Life*. Cambridge: Polity Press, 2005.
2. Bauman, Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2007.
3. Deuze, M. Journalism in Liquid Modern Times // *Journalism Studies*. 2007. № 8:4. P. 671–679.
4. Deuze, M. The Changing Context of News Work: Liquid Journalism and Monitorial Citizenship. *International Journal of Communication*. 2008. № 2:5. P. 848–865.
5. Vartanova, E.L. *Mediaprekariat v usloviyah neopredelennosti* // *Medi@l'manah*. 2021. № 5:106. P. 8–17.
6. Bauman, Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, 2005.
7. Vartanova, E.L., Dunas, D.V. *Rossiyskaya mediasistema v nachale 2020 gg.: vyzovy epohi neopredelennosti* // *Medi@l'manah*. 2022. № 6:113. P. 8–19.
8. Vartanova, E., Gladkova, A. From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. № 4, P. 5–22.
9. Scott, K. Reith, Russell, and the Robots: AI, Warfare, and Shaping the Debate // *Proceedings of the 21st European Conference on Cyber Warfare and Security*. 2022. P. 443–449.
10. McLuhan, M. *Culture Is Our Business*. New York, NY: Ballantine Books, 1970. P.66.
11. *The Global Risk Report, 2023*. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/>

12. Saglam, R.B., Nurse, J., Hodges, D. Personal information: Perceptions, types and evolution // *Journal of Information Security and Applications*. 2022. № 66.
13. Vartanova E.L., Dunas D.V. Rossiya. Sredstva massovoj informacii. *Mediapolitika* // *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya*, 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiia-sredstva-massovoi-informatsii-mediapolitika-fe2351>
14. Walter, B. Why should we Worry that the US could Become an 'Anocracy' Again? Because of the Threat of Civil War" // *The Washington Post*. 2022, 24 January. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/01/24/why-should-we-worry-that-us-could-become-an-anocracy-again-because-threatcivil-war/>
15. McQuail, D. *Zhurnalistika i obshchestvo*. Moscow: MediaMir; MSU Faculty of Journalism, 2013.
16. Jungermann, H., Kasperson, R. E., Wiedemann, P.M. (eds.) *Risk Communication*. Jülich: Nuclear Research Center, 1988.
17. Ruhrmann, G., Guenther, L. *Risk Communication*. In: Patricia Moy (ed.) *Oxford Bibliographies in Communication*. Oxford University Press, 2014.
18. Myshko, F.G., Kameneva, T.N. Riski kommunikacii podrostkov v Internet-prostranstve // *Mir nauki. Sociologiya, Filologiya, Kul'turologiya*. 2022. № 4. P. 1-10.
19. Morozova, S.S., Budko, D.A., Babyuk I.A. Osobennosti politicheskoy kommunikacii v virtual'nyh soobshchestvah v usloviyah global'nyh vyzovov i riskov // *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*. 2023. № 2. P. 230-243.
20. Gureeva, A.N., Kireeva, P.A. Cifrovye platformy kak sub'ekty konfliktogennoj kommunikacii: osobennosti, efekty, riski // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022. № 11:4. P. 753-771.
21. Volkmer, I., Sharif, K. *Risk Journalism between Transnational Politics and Climate Change*. Palgrave Macmillan, 2018.
22. Krasavina, A.V., Shasheva, A.N. Efekty i riski immersivnoj zhurnalistiki: tekhnologicheskij i eticheskij aspekty // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki*. 2021. № 3. P. 95-102.
23. Il'chenko, S.N. Fejk kak antiistochnik informacii: risk dlya professional'nyh standartov zhurnalistiki // *Gumanitarnyj vektor*. 2018. № 5. P. 70-76.
24. Sumsкая, A., Solomeina, V. Russian Media Generation of the "Digital Borderline". *Theoretical Reflection and Empirical Verification* // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. № 4. P. 68-93.
25. Volkmer, I. Risk Journalism and Globalized Crisis Ecologies. Journalists as 'Cosmopolitan' Actors. In: *The Routledge Companion to News and Journalism*. Routledge, 2022.
26. Simons, G., Manoilo, A. The What, How and Why of Fake News: An Overview // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2021. № 2.
27. Cheruiyot, D. Comparing Risks to Journalism: Media Criticism in the Digital Hate // *Digital Journalism*. 2022. URL: <https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2030243>
28. Baychik, A. Reality and Virtuality of the Mass Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. № 1. P. 20-45.
29. Nechushtai, E. Resisting the Individualization of Risk: Strategies of Engagement and Caution in Journalists' Responses to Online Mobs in the United States and Germany // *Digital Journalism*. 2023. URL: <https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2153710>
30. Golub, O.Yu. Krizisnye kommunikacii: metodologiya i metody upravleniya // *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii*. 2012. № 2. P. 142-145.
31. Malashihin, M.Yu. Transformaciya krizisnyh kommunikacij v Internet-srede // *Social'nye kommunikacii: nauka, obrazovanie, professiya*. 2021. № 21. P. 42-48.
32. Pankova, G.K., Shishkin, D.P. Krizisnye kommunikacii s vnutrennej obshchestvennost'yu // *Vek informacii*. 2020. № 1:10. P. 11-20.
33. Gavra, D.P. Demediatizaciya incidenta kak tip strategii krizisnoj kommunikacii // *Media v sovremennom mire. 62-e Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov ezhegodnogo 62-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. V 2-h tomah. T. 2*. SPb: Mediapapir, 2023.
34. Antoon, D. R., & Zuraidah, M. D. Discourse in Crisis, Crisis in Discourse. In *Discourse and Crisis: Critical Perspectives* / ed. by A. De Rycker, M. D. Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
35. Sokolova, I.A. Diskurs «Krizis»: sposoby strukturno-tematicheskoy iazykovoj organizacii v tekstah SMI // *MIRS*. 2012. № 4. P. 33-43.
36. Kudryavceva, Z.G. Kategoriya transtekstual'nosti v meganarrative v krizisnoj kommunikacii // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 1:459. P. 58-66.

37. Ghenaiet, I. The Role of Media During Crisis Management. *Crisis Management and Risk Management in the Digital Age*. Center for Open Science, 2016. URL: <https://osf.io/tkxjh>
38. Katysheva, L.V. Finskie i yuzhnokorejskie praktiki kak osnova dlya poiska universal'nyh podhodov k krizisnym kommunikaciyam v period pandemii COVID-19 // *Kommunikologiya*. 2021. № 4. S. 66-82.
39. Sergeeva, E.V. Osobennosti kommunikacii riska v sovremennom sociume // *Social'nye kommunikacii v sovremennom mire*. Sbornik nauchnykh statej po materialam raboty Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2018.
40. Vartanova, E., Gladkova, A., Dunas, D. Media Representations of Social Conflicts: Identifying Theoretical Foundations for Typology // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. № 2. P. 26-45.
41. Labush, N.S., Puyu, A.S. *Mediatizaciya ekstremal'nyh form politicheskogo processa: vojna, revolyuciya, terrorizm*. SPb: Izd-vo SPbGU, 2019.
42. Yakova, T.S. *Massmedia i konflikty: mediageograficheskie issledovaniya* // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2021. № 10:4. P. 680-697.
43. Bro, P. *Constructive Journalism: Proponents, Precedents, and Principle* // *Journalism*. 2019. № 20:4. P. 504-519.
44. McIntyre, K. *Constructive Journalism: The Effects of Positive Emotions and Solution Information in News Stories*. PhD Thesis, University of North Carolina, Chapel Hill, NC, 2015.
45. Haagerup, U. *Constructive News: How to Save the Media and Democracy with Journalism of Tomorrow*. New York: InnoVatio Publishing, 2014.
46. Shinar, D., Kempf, W. *Peace Journalism: The State of the Art*. Berlin: Verlag Irena Regener, 2007. P. 136-157.
47. Galtung, J. *Peace Journalism as an Ethical Challenge* // *Global Media Journal: Mediterranean Edition*. 2006. № 1:2. P. 58 - 83.
48. Lynch, J., McGoldrick, A. *Peace Journalism: A Global Dialog for Democracy and Democratic Media*. In: Hackett, R., Zhao Y. (eds.) *Democratizing Global Media: One World, Many Struggles*. Lanham MD: Rowman and Littlefield, 2015. P. 269-288.
49. Gyldensted, C. *From Mirrors to Movers: Five Elements of Positive Psychology in Constructive Journalism*. Charleston, SC: Group Publishing, 2015.
50. Seligman, M. *Positive Psychology, Positive Prevention, and Positive Therapy*. In: C. R. Snyder, S. J. Lopez (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. Oxford University Press, 2002. P. 3-12.
51. McIntyre, K. *Solutions Journalism: The Effects of Including Solution Information in News Stories about Social Problems* // *Journalism Practice*. 2019. P.130.
52. Curry, A. L., Hammonds, K.H. *The Power of Solutions Journalism*. The University of Texas at Austin, Center for Media Engagement, 2014. URL: https://mediaengagement.org/wp-content/uploads/2014/06/ENP_SJN-report.pdf (дата обращения 09.11.2023).